

РУССКАЯ ВОЙНА

ВОЕННЫЙ юмористическій

альманахъ

Экстренныя

телеграммы

Складъ изданія: Москва, Домниковская д. 2, кв. 25. При типографіи

Юмористическіе и фантастическіе

Военные рассказы

историческая

библиотека РСФСР

№ 23787 1963 г.

Вышла книжка:

КАКЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ПРОДАВАЛЪ ДУШУ ЧОРТУ

ЦѢНА 3 КОП.

Въ субботу выйдетъ книжка:

СВИНЬЯ—КРАСАВИЦА
или ОДУРАЧЕННЫЕ НѢМЦЫ

ЦѢНА 3 КОП.

Антихристъ объявился.

— Ахъ, Митродора Поликарповна! Теперь ужъ вѣрно послѣднее время живемъ.

— Почему же ты такъ думаешь Калистратовна?

— А какъ же, золотая, развѣ не слыхала, что антихристъ объявился...

— Да гдѣ же милая?

— Въ Германіи золотая, и зовутъ его проклятаго Вильгельмомъ Маршаромъ!

Пѣснь казака Крючкова

Я сынъ родного Дона
 Казаки я удалой
 Люблю тихія свѣи
 Подъ дымъ пороховой.
 Я выросъ на просторѣ
 Среди родныхъ степей,
 Поетъ гдѣ вѣтеръ пѣсни
 И свищотъ соловей.

Люблю я мать отчизну
 И тихо на войнѣ
 Съ врагами я сражаюсь
 На взыменномъ конѣ.

Мнѣ по сердцу набѣги
 И схватки я люблю,
 Я нѣмца — супостата
 Десятками колю.

Я въ битвѣ не робѣю
 Предъ гордой нѣмчурой,
 И всѣ меня за это
 Зовутъ «Крючковъ герой».

Дядя Фиша

Съ войны.

(Отъ нарочныхъ корреспондентовъ съ
 6 по 9 октября.)

КАРПАТЫ.

Всѣ нѣмцы годные
 Съ сердцами пылыми,
 Дерутся съ русскими
 Впередъ... затылками.
 Австрійцы храбрые
 Съ добра занатками,
 Дерутся съ нашими
 Впередъ все... пазыками.

КРАКОВЪ.

Нѣмцы трусятъ, нѣмцы жмутся
 Въ бой идти увы, трусутся,
 Винны казаки доблести
 Для спины нѣмечкой дикой,
 Имъ желательно побиться,
 Только-бъ съ миромъ дѣлать
 Съ молодухами не прощ
 Воевать и день и ночь
 А съ казаками увы.
 Нѣмцамъ жалко головы.

ТУРЦІЯ.

Прислался съюзъ Абдулы
 Онъ въ гости ждетъ Вильгельма,
 И думаетъ: надуетъ
 Меня усасти, щельма?
 Но вышло вдругъ иначе,
 Подумавши Абдулы,
 Самъ хитраго тевтона
 Какъ слѣдуетъ, надулъ
 Взялъ денегъ и добришка,
 Суда, и пушки взялъ.
 А кайзеру за это
 Онъ кукишь приказалъ.

ЧЕРНОГОРІЯ.

Дѣла у насъ прекрасны,
 И вечеромъ и днемъ.
 И въ полдень, какъ придется
 Мы швабамъ лавку бьемъ.

СЕРБІЯ.

Австрійцы просятъ мира,
 Мы просьбу ихъ слышимъ
 И миръ просимый ими,
 Лишь въ Вѣнѣ мы подпишемъ.

БЕРЛИНЪ.

Голодають сотни тысячъ...
 Работы никакой...
 Вильгельмъ шлетъ телеграммы,
 Что онъ ужъ подѣ Москвой,
 Телерамъ ему нѣтъ въ вѣры,
 А...

Что онъ, Наполеонъ...
И скоро все на продажу а я
Пойдетъ дворецъ и тронъ.

ФРАНЦИЯ

Союзники все храбро
Перутся и твердятъ:
Они за зѣвство нѣмамъ
Жестоко отомстятъ.
Обратъ Лев Шукъ

Винтъ.

(По Чехову).

Быль погожий осенний вечеръ, ког-
да вѣстникъ Мира летѣлъ домой. Про-
летая мимо какого-то огромнаго дома
испугался шуму, ржанію, стрельбу,
шпагъ, желѣза и стоны раненныхъ.
Дверь была открыта, и вѣстникъ ми-
ра свободно вошелъ. Пройдя нѣсколь-
ко комнатъ онъ очутился въ огром-
номъ залѣ, гдѣ за столомъ сидѣли ди-
пломаты и великую то удивитель-
ную игру.

Вотъ, видите, — говорилъ нѣмец-
кій дипломатъ австрійскому. — У меня
на рукахъ подвѣдены пути и Крупнѣ.
Я беру у нихъ Польшу, Финляндію, а
вы выходите съ Проскурова... 1-й ту-
сарскій полкъ.

— Хожу съ флота! — сказалъ англи-
чанинъ.

Нѣмецъ испуганно заговорилъ:

— Позвольте, это не игра! Такъ не
играютъ! Я не желаю.

— Почему? у васъ какъ, безъ но-
зырей? Такъ вы такъ и объявите.

Игра становится все интереснѣе.

Нѣмецъ назвалъ кого-то.

— Сидоръ, мы съ вами играемъ

вѣстѣ?

Нѣтъ, зачемъ же, отозвавшая ита-
льянецъ. — Мне не хочется играть. Я

лучше тутъ почитаю.

Нѣмецкій дипломатъ едва не выбро-
силъ карты изъ рукъ.

— Какъ не хочется?

— Да такъ: Я не люблю карты, вооб-
ще, а тутъ еще съ такими сильными
противниками... Не буду играть.

Вѣстникъ мира сталъ въ дверяхъ,
но играющіе были такъ заняты своими
спорами, что даже не замѣтили его...
Игра продолжалась. Слышались воз-
гласы: Пять въ пикахъ!... Пять въ
артиллеріи!

Малый шлемъ, — сказали диплома-
ты троичественнаго союза.

А маленькій беларіецъ тихо, но рѣ-
шительно сказалъ:

Пока у меня большой шлемъ.

Нѣмецъ прошепталъ: Я пасъ!

— Ба, выходите же, выходите съ ар-
тиллеріей, — зашептала Австрія.

— А мы ее Льежемъ, Дьежемъ!

Нѣмецъ теребила свои усы... После
нѣсколькихъ ходовъ англичанинъ на-
онъ выругался и сказалъ: „Я уже безъ
трехъ“... и тихо, чуть слышно добавилъ:
„Броненосцевъ“...

Нѣтъ, извините, вы безъ четы-
рехъ, — сказалъ наносъ ударъ, бравый
французскій артиллеристъ.

Игра становилась все интереснѣе и
интереснѣе. Вдругъ кто-то крикнулъ:

Господа, Турція плутуетъ! Чужие
корабли забираетъ въ Дарданеллы...

Турція испуганно закричала:

Вѣ Богу, это моя! Я купила, я
выиграла, это моя вѣзетка.

Англія положила руки на плечи
Турціи и сказала:

— Отдай!

— Это не я, это Сандерсъ, — плакала
Турція. — Я пасъ!

— Да играете вы или нѣтъ, нахо-
нецъ? — строго спросили обидѣнные дер-
жавы.

Нѣтъ, не играю! Я лучше не бу-
ду играть.

Турція удалила отъ стола. Австрія
ворчала на нѣмца, нѣмецъ оправды-
вался тѣмъ, что не зналъ, какъ стали
сильны партнеры.

Вѣстникъ мира нервно и тщательно подо-
шелъ къ столу.

— Позвольте мнѣ приступить поиграть,
робко, сказалъ онъ. — Играющіе въ
одиночку голосъ отъ величія слышатъ.

— Теперь еще разокъ! Пожалуйте, не
смѣшайте.

И только нѣмецъ, съ надеждой во-
звръ, прошепталъ:

Почему? Пускай онъ посидитъ,
онъ не мешаетъ.

Но онъ летѣлъ далеко... В. В.

ВЪ РЕСТОРАНѢ И РАЗРЯДА

— Кому война, а нашему хозяину масленица. Говорятъ, онъ во время трезвыхъ дней 2 дома наживаетъ... И мы слава Тебѣ Владыко по красненькой на рыло въ день зарабатываетъ... О, дай Богъ чтобы эта трезвость подольше потянулась.

ВОЯЧКИ

— Викторъ Николаевичъ, знаете, я думаю вѣхать на войну, сестрой милосердія.

— Помилуйте Ольга Петровна, какая же вы сестра милосердія, если у васъ милосердія-то и на одного меня не хватаетъ, сколько времени проищу, васъ стать моей женою, а вы такъ не милосердны, что все маѣ отказываете.

— Какъ бы я хотѣла идти на войну. За чѣмъ же дѣло стало. Иди въ сестры милосердія, Ольга Р.— милу.

— Я уже думала объ этомъ, но... Что же.

— Сестры милосердія должны ухаживать за больными.

— Конечно.

— Вотъ это-то мнѣ и не нравится. Я привыкла, чтобы въѣзъ за мною ухаживали.

— Я могла бы быть дѣвицей-кавалеристомъ и пошла бы на войну. Я это чувствую.

— Долно говорить амфиности. Какая же ты вояка, когда не выдержишь даже театральнаго вѣстрѣловъ.

— Это—пустяки, при выстрѣлахъ я затикалабы себя уши.

— Знаешь, Соня, я очень сожалѣю, что я—не мужчина. Изъ меня, отиди-ный воинъ бы вышелъ.

— Почему ты думаешь.

— О, я очень воинственна, съ дѣтскихъ лѣтъ я уже воевала, съ родителями подросткомъ отпускала такіа пули, что почти каждый день сидѣла въ карьерѣ дѣвицей брала въ плечи кавалеровъ, затѣмъ взяла на абордажъ своего супруга и при немъ не стѣсняясь стрѣляла глазами въ интересныхъ мужчинъ. Теперь подожу подѣлу своего супруга мину, чтобы онъ все свое состояние перевелъ на меня.

— Значить, ставишь ему ультиматумъ.

— Вотъ-вотъ.

МУТИТЬ

— Навелъ Ивановичъ, почему вы не покупаете грибовъ?

— Видѣть ихъ не могу, окаянныхъ! Желудокъ не перевариваетъ?

— Вотъ именно.. какъ значить, увижу что жена моя уходитъ за грибами въ явѣ со своимъ кузенкомъ, такъ меня и того.. мутить.

ПОСЛѢ ВИЗИТА НѢМЦЕВЪ ВАРВАРОВЪ

Послушайте, почему
васъ въ квартирѣ такъ пусто.
— Тамъ, гдѣ нѣмцы-варвары
побываютъ, никогда ничего
добра не бываетъ, а все съ
ними уничтожается.

ПРАКТИКА НѢМЦА.

Будущій германскій воинъ, пра-
ктикуется, какъ побѣждать мир-
ныхъ жителей.

Рождокъ.

Пожалуйте, господа! Комнѣ прѣсенки
слушать желается, представленіе нача-
инается.

Картины прѣсенъ всѣ военныя, а не
Спрѣсенъ.

Пожалуйте!
Цили мы съ Немировичемъ Данчен-
ко по завоеванному краю, изумасомъ
творимымъ тевтонами нѣтъ конца и
краю.

Гдѣ нѣмцы-варвары побывали, тамъ
всѣ жители въ уныніе впали, старики
трясутся, малютки въ отѣвѣ жмутся,
а всякая дѣвица, даже и курица, по-
казатся боится.

Проклятые нѣмцы, хуже чумы или
холеры, а паче ихъ офицеры, такихъ
натворици бѣдъ, что нѣтъ ужаса при-
ходить весь бѣлый свѣтъ. Нѣмецъ
варваръ, такая бѣда, всякъ и наро-
дамъ несетъ, что послѣ него никакая
травѣ даже не растетъ.

Это не люди, 20 вѣка, а правѣвен-
ные калѣки, зѣвры, ненасытные, аспиды
ненавидистые, вампиры, губители, ад-
ские разрушители.

Весь мръ, всѣ народы, цѣлота имъ
проклятiе на многія годы, на всѣхъ пра-
дущихъ вѣка, и они теперь эти зѣвры
одни, нѣтъ у нихъ товарищей и дру-
зей, всѣ въ мръ, въ презрѣнiи гля-
дятъ на палачей. А, пролитая ими

кровь и потъ къ себѣ вонюють, и у
всѣхъ одно мнѣніе:

Мнѣніе!!!

Господа и бѣна новинка, у нѣмцевъ
варваровъ предполагается быть такая
картинка: на бой съ народами эти звѣ-
ри нашихъ дней, рѣшили собрать на
войну и... звѣрей! — кошекъ, собакъ и
проч. Да хитеръ пруссакъ, ему толь-
ко такая армія и подстать, что бы съ
народомъ воевать, онъ по себѣ вѣрять
что только звѣри, могутъ ему и по-
мочь иначе, все вѣдь отвернулось
прочь.

Давно бы нѣмцамъ варварамъ по
хитрости своей собрать на войну бы-
ло крысъ и мышей. Да собиранъ
мышей, коли не хватаетъ людей.

Бѣрно!

Рожокъ играй, какъ турецкій папа
выкидываетъ различные кренделя и
антраша. Словомъ сидитъ въ гаремѣ
егозить и все Россіи войной грозить,
а народъ воевать не хочетъ и на нашу
вогнами попочетъ, ротъ не жмъ дѣшуга.

Нѣмецъ говоритъ турку, переми-
рить, онъ въ Константинополѣ со
ими войсками вступилъ, выйдитъ тур-
ка не дыши и подъ нѣмецкую дудку
плыви, но это нѣтъ говорить, вездѣ
еще написано вѣлами на водѣ.

Кто кому у нѣмъ... Говоритъ
намажетъ, это будущее покажетъ, а
иногда турецкіе носы живутъ, за счетъ
нѣмецкой колбасы, аз жѣтнхъ азъ
ротумъ. Такъ то!

Поня, дальнѣе не веселая и не чѣль-
ная. Антверпенъ палъ, Бельгія въ го-
рѣ, кровь и крови тамъ пролило море.

Пусть это такъ, и начальныя слова,
Антверпенъ палъ, но Бельгія жива!
Живъ ея великій, многострадальный
народъ, вмѣстѣ со своимъ королемъ
веросмъ богатыремъ.

Да здравствуетъ Бельгія!

Рожокъ пой Москва съ Новой Голо-
вой! Давно пора ей съ головой быть,
надобно безъ головы то ходить. Дѣ-
ло много у столицы, а она все сидѣла
безъ головы, такъ все чужимъ
умомъ жила и дѣло на обумѣ плела.
Нравы ея хотя и не нравятся се об-
новка, что не изъ черныхъ сія голов-
ка! Имъ бы шмаковскую Московскую
присадить, вотъ бы онъ тогда вози-
ковали, подъ сухую бы все затанцо-

вали. А теперь у нихъ дѣлами, у
же рѣшено совѣщаніе.

Сорванъ!

Ну, господа адъ! забираю нѣмца въ
бадью и потапу въ Яутъ купать, сѣ-
стлѣво вамъ деньги наживать!

Прощайте!

Фиша Пастушокъ.

РАДЬ ПОБѢДЫ.

— Ты чему это такъ радъ, Коля.
— А у меня съ папой сейчасъ сра-
женіе было. Папа меня побѣдилъ.
— И этому ты радъ,
— Очевъ. Во время сраженія папа
опрокинулъ на скатерть чернильницу.
Вотъ будетъ сраженіе, когда мама это
увидитъ.

АНШАН-АНШАН

ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ЛАЗАРЕТѢ.

— Удивительныя ружья у этихъ
русскихъ.

— А что?

— Да все въ саляндѣ пьютъ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

До войны нѣмецъ настоящими
утками въ Берлинѣ питался, а те-
перь онъ кушаетъ только газетныя.

Изобретательная ямка.

В семье одного извещателя петроградского профессора в течение двух лет сдушила собиравшаяся ямка Шютгофь.

Помимо дилкой, добычи из Голландии и Голландии, Шютгофь старательно собирала свинцовую бумагу из-под чая, шоколада, мыла и т. п. Семья профессора сначала недоумевала над этим, но потом привыкла. Когда же немцы спрашивали, зачем ей нужна свинцовая бумага, то после долгих отдуваний, молчаливо молчала. Так прошло два года. В июле была объявлена война с Германией и Австрией. Шютгофь тотчас же заявила профессору, что она едет на родину.

В момент отъезда в квартиру находилась вся семья профессора. Уложив всё вещи на извозчика и тепло простившись со всеми, Шютгофь вышла из квартиры. Не прошло и минуты, ямка снова возвратилась. Оказывается, она забыла какой-то пакет. От излишней торопливости пакет выскользнул из ее рук, и по полу разлетелись комочки свинцовой бумаги.

Тут-то перед недоумевавшей семьей профессора и раскрылась тайна коллекционирования свинцовой бумаги.

Собирая разсыпавшийся свинец, разозленная этим ямка расразилась обидными словами:

— Вы еще не догадались, зачем я собирала у вас в течение двух лет свинцовую бумагу? Так знайте. Когда я жила в деревне, близ Штеттина, наша история, во время проповеди, говорил, чтобы женщины Германии, в особенности же ты, которым приходится жить в чужой стране, с особым рвением собирали кающуюся негодную в хозяйстве свинцовую бумагу из-под чая, шоколада, мыла и т. п. Присылайте собранный свинец, говорил он, а я буду передавать ее на заводы для изготовления пуль. Помните же, говорил он, какую пользу вы можете сделать своей родине...

Росенные энкдолы.

Не успели слушатели прийти в себя, как торжествующая ямка хлопнула дверью и успев еще крикнуть: — Много собрано и выслано в Германию десять тысяч минометов, по пяти фунтов каждый. Отсюда он дошел до того, что ямка...

— Много собрано и выслано в Германию десять тысяч минометов, по пяти фунтов каждый. Отсюда он дошел до того, что ямка...

— Много собрано и выслано в Германию десять тысяч минометов, по пяти фунтов каждый. Отсюда он дошел до того, что ямка...

ДОВРЫЕ.

О, австрийцы очень добрые. Ну уж и добрые, из чего же ты Петр Иваныч заключаешь.

Да как же, подумай, сколько они нам своих пушек и пулеметов отдали и не сочтешь.

ОБА УДИВЛЕННЫ.

Слоны удивляются, откуда в тропные дни чуждые появляются?

А чуждые удивляются откуда на улицах Москвы были слышны появляющиеся...

появляющиеся...

появляющиеся...

появляющиеся...

Военные анекдоты.

Приехавший вчера в И. М. Малюкин рассказывает следующие анекдоты елышанья имъ отъ кого-то по дороге изъ за границы.

Въ штабъ русской армии допрашиваютъ плѣннаго австрийца — есть ли въ этой мѣстности дорога, по которой могъ бы пройти корпусъ.

— Дорога есть, — отвѣчаетъ австриецъ, — но только прохъать могутъ лишь кавалерія и артиллерія, а пѣхота не можетъ...

— Почему же?

— Видите-ли — тамъ въ деревнѣ есть собаки...

Въ полевомъ госпиталѣ лежатъ раненые.

Одинъ изъ солдатъ и плѣнный нѣмецъ. Оба ранены въ ноги.

Докторъ подходитъ къ нѣмцу и даетъ ему массажъ раненой ноги. Нѣмецъ телопетъ и кричитъ.

Докторъ подходитъ къ нашему солдату и также тоже самое, но раненный улыбается.

Когда докторъ уходитъ нѣмецъ говоритъ русскому, что русскіе доктора гораздо лучше обращаются съ нашими ранеными, чѣмъ съ плѣнными.

— Вотъ ты видишь, раба не крикуль когда онъ массируютъ тебѣ ногу, значитъ осторожно дѣлаетъ.

— Да, что же я — дуракъ, что ли отвѣтилъ ему нашъ солдатикъ, да, развѣя ему дамы большую ногу? Я ему подсунулъ другую, здоровую.

Сонъ нѣмца.

Снится сонъ Карлушъ нѣмцу. Что гуляетъ онъ съ модистками, Угощается и пивомъ И пахучими сосисками.

Слышитъ рѣчи онъ Вильгельма, Какъ побѣдой похвывается, А на дѣлъ кайзеръ хитрый Лишь деньгамъ запасается.

Москва. Типографія С. А. Аланчикова

Уланскій пер. д. 18